

«СЛУЖИЛ СО ВСЕМ УСЕРДИЕМ»

Генерал-прокурор
Петр Васильевич
ЛОПУХИН

«В ВОЗДАНИЕ ВЕРНОСТИ И УСЕРДИЯ»

Светлейший князь Петр Васильевич Лопухин, один из немногих генерал-прокуроров, дважды занимавший эту ответственнейшую и высокую должность, родился в 1753 г. в старинной дворянской семье. Ему с детства, по традиции, была уготована военная служба. Родители приписали семилетнего мальчика в один из лучших российских полков — лейб-гвардии Преображенский. В отличие от Г.Р. Державина ему не пришлось тянуть солдатскую лямку. В 1769 г., когда для шестнадцатилетнего Петра началась действительная служба, он был уже прапорщиком. Через шесть лет Лопухина произвели в капитан-поручики. В 25-летнем возрасте он получил чин полковника и вскоре был переведен на «статскую службу».

Некоторое время Лопухин служил в должности Санкт-Петербургского обер-полицмейстера. Впервые полиция появилась в России в начале XVIII века, когда Петр I стал создавать регулярные полицейские отряды. Однако широкое внедрение в городах полиция получила лишь во второй четверти XVIII века, когда 23 апреля 1733 г. был издан закон «Об учреждении полиции в городах».

Наиболее подробная регламентация прав и обязанностей чинов полиции содержалась в Уставе благочиния, или полицейском, утвержденном 8 апреля 1782 г. Обер-полицмейстер в столице был в то время доверенным лицом императрицы. Он возглавлял управу благочиния и подчинялся только военному генерал-губернатору.

В те годы, когда Лопухин служил обер-полицмейстером, в штате Санкт-Петербургской полиции насчитывалось 647 постоянных чинов. Весь город делился на 10 частей и 42 квартала. В каждой части была воинская команда, состоящая из 34 человек. Кроме того обер-полицмейстеру подчинялись «огнегасительные» работники, то есть пожарные (их тогда было около 1400 человек) и извозчики (226 человек). Сверх штата в полицию вводились так называемые ночные сторожа.

В соответствии с Уставом благочиния, начальник полиции должен был обладать следующими качествами: здравым рассудком, доброй волей в отправлении порученного, человеколюбием, верностью к службе императорского величества, усердием к общему добру, радением о должности, честностью и бескорыстием. Он обязан был вершить «пра-

вый и равный суд всякому состоянию», «дать покровительство невинному и скорбящему», «воздерживаться от взяток», ибо, как отмечено в Уставе, они «ослепляют глаза и развращают ум и сердце, устам же налагают узду».

Молодой Лопухин, по всей видимости, обладал отмеченными выше качествами, служил расторопно и ревностно, так как вскоре после назначения его обер-полицмейстером он получил чин бригадира и стал кавалером только что учрежденного ордена Св. Владимира 3-й степени.

В 1783 г. его переводят в Тверь, где он занимает должность правителя канцелярии наместника. Здесь он выслуживает чин генерал-майора. На другой год Лопухин перемещается в Москву и в течение последующих девяти лет «исправляет должность» Московского гражданского губернатора.

В Москве он достиг чина генерал-поручика (с 1796 г. переименован в генерал-лейтенанты) и заслужил орден Св. Владимира 2-й степени Большого креста.

В 1793 г. Лопухин назначается Ярославским и Вологодским генерал-губернатором, где и остается до конца царствования Екатерины II. Вступивший на престол император Павел I, 17 декабря 1796 г. издал следующий указ: «Всемиловитейше повелеваем генерал-лейтенанту Петру Лопухину присутствовать Сената Нашего в Московских департаментах». Ему было определено жалованье в размере 2250 рублей в год. При назначении он получил чин тайного советника и Александровскую ленту, то есть стал кавалером ордена Св. Александра Невского.

Хотя перевод из генерал-губернаторов в сенаторы в определенном смысле и нельзя было считать повышением по службе, однако для Лопухина он стал предвестником стремительного взлета и необычайно щедрых милостей, оказанных ему новым императором.

Сын Лопухина, Павел Петрович, рассказывал мемуаристу А.Б. Лобанову-Ростовскому, что его отец был человек «даровитый и в особенности отличался необыкновенною легкостью и быстротою работы». Благодаря этим своим качествам он и заслужил благосклонность императора Павла I, когда в марте-апреле 1797 г. тот находился на коронации в Москве.

Лопухин был представлен императору вместе со всеми московскими сенаторами. Расспрашивая их о делах и узнав, что Лопухин недавно служил Ярославским наместником, Павел I предложил ему задержаться во дворце. Оказалось, что у него находилось какое-то прошение по делу,

рассматривавшемся в Ярославле, по которому он ни от кого не мог получить толкового ответа. Передав прошение Лопухину, император предложил срочно изучить его и дать свое заключение. Петр Васильевич в тот же день собрал все нужные бумаги по этому делу, находившиеся в московском департаменте Сената, и, просидев над ними всю ночь, наутро, в 6 часов, уже находился в приемной Павла I. Император сразу же принял его и остался очень доволен и содержанием доклада, толковым и обстоятельным, и быстротой его подготовки.

После этого случая Павел I еще несколько раз давал ответственные поручения Петру Васильевичу, которые тот неизменно выполнял быстро и, главное, толково. Личные качества Лопухина, его оперативность, основательность в делах, без сомнения, способствовали его возвышению. Но в те времена этого было все же недостаточно для успешной карьеры. На успех нельзя было рассчитывать без поддержки вельможи, имевшего вес при дворе. И такой покровитель у Лопухина был. Им стал А.А. Безбородко.

Однако была еще одна причина, объясняющая стремительную карьеру сенатора Лопухина — император Павел I обратил пристальное внимание на девятнадцатилетнюю красавицу с большими черными глазами и черными, как смоль, отливающими синевой, волосами, Анну Лопухину, дочь сенатора.

В конце июля 1798 г. Лопухин неожиданно был срочно вызван в Петербург. Здесь он впервые получил приглашение на обед в Петергоф. Павел I обошелся с ним особенно милостиво, расспрашивал его о службе, о семье.

8 августа того же года Петр Васильевич Лопухин был назначен генерал-прокурором, сменив на этом посту А.Б. Куракина.

Вскоре после назначения на должность Павел I подарил Лопухину обширный дом на Дворцовой набережной. Об этом император послал специальный указ Петербургскому генерал-губернатору барону фон-дер-Пален: «Всемилютейше пожаловал в вечное и потомственное владение нашему тайному советнику и генерал-прокурору Лопухину дом, купленный в казну нашу до вице-адмирала Рибаса, состоящий в С.-Петербурге в первой Адмиралтейской части, одним фасом в Миллионную, а другим на набережную, повелеваем предписать куда следует об отдаче ему оногo».

В новый дом Лопухин перевез из Москвы свою семью. Первая жена Петра Васильевича, Прасковья Ивановна, урожденная Левшина, умерла еще за несколько лет до это-

Е.Н. Лопухина

го. Вторично он был женат на дочери тайного советника Н.Д. Шетнева, Екатерине Николаевне. Современники писали, что к ней был весьма «расположен» А.А. Безбородко, и именно поэтому он и предложил Павлу I кандидатуру нового генерал-прокурора.

23 августа Лопухину, одновременно с отправлением должности генерал-прокурора, было предложено присутствовать в Императорском совете. С этого времени на него самого и на членов его семьи «со сказочной быстротой» посыпались царские награды и милости. Впечатляет простое их перечисление.

6 сентября 1798 г. Лопухин получает чин действительного тайного советника. Одновременно с этим его жена, Екатерина Николаевна, «пожалована» в статс-дамы, а дочь, Анна Петровна, — в камер-фрейлины. Одну за дру-

гой Лопухин получает самые высокие награды: ордена Св. Андрея Первозванного, Св. Анны, Св. Иоанна Иерусалимского большого креста, украшенного алмазами; император подарил ему свой портрет, что считалось в то время признаком особой доверенности. В потомственное владение ему передается поместье Корсунь в Богуславском уезде Киевской губернии.

Но и на этом щедрость Павла I не иссякла. 19 января 1799 г. был дан следующий указ Правительствующему сенату: «В несомненный знак Нашего монаршего благоволения и в воздаяние верности и усердия к службе Нашей действительного тайного советника и генерал-прокурора Лопухина, всемилостивейше пожаловали Мы князем империи Нашей, распространяя достоинство и титул сей на все потомство, от него, Лопухина, происходящее, мужеска и женска пола».

Вслед за этим ему был дан бриллиантовый знак ордена Св. Андрея Первозванного и дарован титул светлости. Лопухину позволено было употреблять для ливреи цвета, считавшиеся придворными.

Петр Васильевич находился на вершине своего могущества.

«БУДЕТ ТАМ СИЯТЬ ДЕЛАМИ ЛОПУХИН!»

В должности генерал-прокурора Лопухину, однако, мало что удалось сделать. Он не успел даже глубоко вникнуть в дела, хотя и проявлял большое старание. Это объясняется, в основном, кратковременностью его первого пребывания на высокому посту.

Как генерал-прокурор он поддержал принятие Высочайшего указа об избавлении от телесных наказаний за совершенные преступления лиц, достигших 70-летнего возраста. Не без его участия был принят указ об обязательном внесении на ревизию в межевой департамент Правительствующего сената всех решений нижестоящих межевых контор и канцелярий, которыми «отсуждались» помещикам земли из казенного ведомства. При нем губернским прокурорам были предоставлены исключительно широкие полномочия по надзору за местными органами. В частности, Инструкцией от 26 декабря 1798 г. генерал-прокурор предписал своим подчиненным, чтобы они «доносили по службе о самых главных чиновниках в губернии». Прокуроры, например,

надзирали за приездом и отъездом иностранцев и обязаны были тщательно «сверять их подорожные с маршрутом». Им вменялось в обязанность «обращать внимание» на письма и сочинения, поступающие из-за границы. При выявлении каких-либо нарушений по указанным вопросам они должны были, не мешкая и минуя начальников губерний, докладывать генерал-прокурору. Эти исключительные права губернских прокуроров были отменены лишь при восшествии на престол Александра I.

Генерал-прокурор Лопухин, как и его предшественники, занимался самыми разнообразными делами. Он деятельно участвовал в комплектовании армии и флота всем необходимым, следил за рекрутским набором. Однажды Лопухину стало известно, что в Белозерском уезде Новгородской губернии местный исправник и земский суд не только не оказали необходимой помощи офицеру, направленному Аракчеевым для закупки лошадей для артиллерии, но даже стали чинить ему «разные притеснения». Генерал-прокурор отреагировал на это быстро и решительно. Он предписал новгородскому губернатору немедленно произвести строгое расследование этого факта, и в случае вины указанных лиц, «поступить с ними по законам». Учитывая, что такие нарушения могли быть и в других губерниях, Лопухин направил поручение губернским прокурорам об оказании помощи военным при закупке лошадей.

Получив такую мощную поддержку со стороны генерал-прокурора, Аракчеев счел себя обязанным поблагодарить Лопухина. 14 апреля 1799 г. он написал генерал-прокурору: «Ваша светлость, милостивый государь князь Петр Васильевич! В рассуждении почтеннейшего письма ко мне Вашей светлости от 13 числа сего г. апреля за N 3212, я не могу ничего другого изъявить, как принести мою усерднейшую благодарность за все те пособия, кои Ваша светлость оказать изволили в рассуждение собрания с губерний лошадей, и того обстоятельства, случившегося в Белозерском уезде; я всем оным чрезмерно доволен и нелестно могу сказать, что артиллерия за исправность ее в лошадях обязана особенному Вашей светлости к ней благорасположению».

На Лопухине как генерал-прокуроре лежало руководство по «охранению внутренней безопасности и поддержанию порядка в государстве». Он принимал меры к искоренению разбойников, поимке беглых крестьян, прекращению волнений и тому подобное. Следует заметить, что в царствование Павла I усилились крестьянские бунты. В связи с этим 29 января 1797 г. последовал указ о том, чтобы рас-

следовать все такие факты и «приводить» крестьян в повиновение вначале «увещанием», а если это не поможет — военной силой.

Правительство пыталось предпринять кое-какие меры. Например, 5 апреля 1797 г. последовал Манифест, которым воспрещалось использовать крестьян на работах в воскресные и праздничные дни, а барщина ограничивалась тремя днями. Но это помогло мало — волнения продолжались. Лопухин внимательно следил за событиями. О всех волнениях и выступлениях крестьян он получал сообщения от губернаторов и прокуроров и сразу же докладывал императору, одновременно принимая меры к расследованию этих фактов.

5 ноября 1798 г. Выборгский губернатор Родингер в рапорте на имя генерал-прокурора Лопухина, написав о «возмущении» крестьян, сообщал, что он «старался удовлетворить справедливые требования здешних помещиков», а при упорстве и неповиновении крестьян «не упускал чинить немедленное помещикам вспоможение». При этом Родингер вынужден был признать, что крестьяне имеют все основания быть недовольными, так как оброки и работы, возлагаемые на них, «отяготительные». Он высказал мнение, что «если бы до окончания Высочайше повеленного ревизионного обмежевания учено было законное постановление податям и работам крестьянским, то прекращались бы все споры и помещики воспользовались бы без отлагательств следующими им оброками».

Лопухин занимался также устройством полиции, как губернской, так и столичной, в соответствии с утвержденными 14 мая 1799 г. новыми штатами. По этому вопросу он вел обширную переписку с губернаторами и прокурорами, предлагая им принять все зависящие от них меры к улучшению работы полицейской службы.

Было множество и других текущих неотложных дел. Так, при нем возник вопрос о «неблагопристойном» поведении некоторых молодых купцов и приказчиков за границей, в частности, в Англии. Русский посол в Лондоне Воронцов в августе 1798 г. написал Павлу I о том, что русские купцы «живут беспутно, водятся с дурными людьми и обманывают английских мануфактурщиков, забирая в долг тоары; платя сперва по срокам весьма порядочно и потом, приобретя кредит, забрав более товаров, уезжают и не платят совсем долгов своих». Кроме того, многие купцы, закупив товары, пересылали их в Любек, Гданск, Кенингсберг

и другие города, где через своих «корреспондентов» контрабандой, без всякой пошлины, переправляли в Россию.

Воронцов сообщал также, что русские купцы «почти все водятся с французскими и итальянскими извергами», «заражаются погаными правилами, кои могут потом рассеять в отечестве». Он находил дальнейшее пребывание купцов в Англии «весьма вредным».

По поручению Павла I этим вопросом занялся генерал-прокурор. 13 сентября 1798 г. он уже давал предписание всем губернаторам: «Его Императорское Величество по причине производимых некоторыми из находящихся в Англии из российских торгующих и другого рода людьми неприличных деяний Высочайше мне повелеть соизволил сооб-

Павел I

щитъ господам правителей губерний, чтобы молодые купцы и их приказчики, а равномерно и прочих состояний россияне туда вперед не ездили; если же бы кому из подданных Его Величества встретились обстоятельства, необходимо того требующие, то о таком надлежит быть представляемо на Высочайшее разрешение».

В бытность свою генерал-прокурором Лопухину пришлось немало заниматься делами, связанными с «иноверными и инославными вероисповеданиями». По этим вопросам к нему поступало много жалоб и прошений.

Отставной поручик Ш.А. Тефкилев, например, от имени своих единоверцев, магометан, проживавших в Санкт-Петербурге, обратился к императору с просьбой дать разрешение на открытие дома, где они могла бы молиться, а также на назначение трех мулл и их помощников и отводе места для кладбища. Это прошение Павел I передал Лопухину. Тот решил прежде всего выяснить, действительно ли Тефкилев имеет «уважение» и «доверенность» со стороны своих единоверцев. Для этого он запросил оренбургского муфтия, управлявшего делами магометанской веры, согласен ли он «на построение молитвенного храма» в Петербурге и «удостоивает» ли избрание в муллы тех лиц, которых называл Текфилев. О ходе рассмотрения прошения и результатах переписки с муфтием он постоянно докладывал императору.

В августе 1798 г. Лопухину донесли, что в Волынской и Подольской губерниях среди евреев производились денежные сборы. Собранные средства намеревались использовать для направления депутации к императору «с принесением всеподданнейшей благодарности за высокомонаршее покровительство и с испрашиванием о даровании им некоторых выгод». Однако по распоряжению генерал-губернатора Гудовича собранные деньги были конфискованы, а направление депутатов запрещено.

Лопухин потребовал объяснения от Гудовича. Тот вынужден был признать справедливость жалобы. Генерал-прокурор доложил об этом Павлу I и получил «соизволение» возвратить собранные деньги и разрешить отправку к императору депутации.

Возникали вопросы и по старообрядческим делам. Так, к императору поступило обширное, состоящее из 15 пунктов, прошение московских старообрядцев, подписанное более чем 50-ти лицами. Сущность его сводилась к тому, чтобы в Москве было учреждено особое духовное правление, старообрядцам дозволено открыть храмы и монасты-

ри и иметь своих священников. Такую же просьбу старообрядцы адресовали и генерал-прокурору. Они писали: «Предстательствуйте о нас, милостивейший наш покровитель, у престола Величества слово ваше устроит судьбу нашу. Мы на вас надеемся, что ваша светлость сию нашу всенижайшую просьбу не оставите без милосердного внимания».

Лопухин без промедления «при своем докладе» представил это прошение Павлу I. На следующий день император собственноручно дал такой указ: «Как они сами отзываются мною быть довольными, то и оставили бы мне с преосвященным Казанским (Амвросием) дело их ведать, и сему последнему снабжать их священниками по их одобрениям; о прочем оставляю, дабы не произошло недоразумения, а о сомнениях спрашиваться меня им же самим».

Лопухин известил об этом указе Амвросия и поверенного старообрядческого общества московского купца Дмитрия Федорова. Архиепископ Амвросий выработал положение о старообрядческих священниках и назначил к московским старообрядцам, по их представлению, восемь человек священников и дьяконов, разрешив им совершать богослужения, «кроме литургий».

По должности генерал-прокурора Лопухин постоянно лично принимал прошения от разных лиц о злоупотреблениях и нарушениях закона. Например, шкловские евреи жаловались ему на притеснения со стороны генерал-лейтенанта Зорича. На него поступали и другие жалобы: не отдавал долг, рукоприкладствовал. Лопухин доложил об этих жалобах императору и добился направления в Белорусскую губернию «от лица Сената» и для «прекращения зловерных беспорядков» сенатора Державина. Ему предписывалось беспристрастно войти во все обстоятельства и «без всякого лицепрятия» предать законному суждению всех лиц, которые окажутся виновными.

К Лопухину часто обращались и с личными просьбами. Так, писатель и куратор Московского университета М.М. Херасков 17 февраля 1799 г. обратился к нему с просьбой хлопотать о награждении его «знаком некоторого отличия и милости монаршей». К своему письму он приложил четверостишие, посвященное Лопухину:

«Сияет кто душой, тому не есть излишны
Сиятельств имена, чины и титулы пышны,
Исчезнет в вечности и княжество и чин,
Но будет там сиять делами Лопухин!»

М.М. Херасков

Не прошлое и месяца, как Лопухин известил Хераскова о том, что император пожаловал тому орден Св. Анны I-й степени.

На генерал-прокуроре лежала обязанность по руководству Юнкерской школой, учрежденной его предшественником Куракиным 14 января 1797 г. Эта школа готовила чиновников для Сената. Она располагалась в Петербурге по Загородному проспекту. В школе было четыре класса. Там обучали русскому и немецкому языкам, истории, географии, арифметике, геометрии, геодезии, закону Божьему, а в последнем классе — правоведению. Число учеников, в основном «вольноприходящих», было 50 человек. Однако

престиж Юнкерской школы был так велик, что там насчитывалось большое число «сверхкомплектных».

Первым директором школы был назначен обер-прокурор Осип Петрович Козодавлев, а затем его сменил А.Н. Оленин. Экзамены у юнкеров обычно принимали сами генерал-прокуроры — вначале Лопухин, а впоследствии Беклешов и Державин.

Писатель Н.И. Греч, учившийся в этой школе, в своих «Записках» рассказал такой случай, слышанный им от Лопухина. В те времена в военную службу поступало мало дворян. Павел I как-то раз спросил у одного придворного: «Куда делись все наши недоросли?» Вельможа, к которому был обращен вопрос, оказался одним из недоброжелателей Лопухина. Поэтому он ответил: «Известно куда. Все в Юнкерской школе при Сенате». «Да сколько их там?» — изумился Павел I. «Четыре тысячи пятьсот человек», — ляпнул вельможа во много раз завысив число учащихся. Разгневанный император приказал всех «сверхкомплектных» немедленно отправить унтер-офицерами в армейские полки. Таких оказалось 125 человек. На другой день Козодавлев собрал всех юнкеров и объявил список в 50 человек, которые должны продолжать обучение, а всех остальных отправил в распоряжение Военной коллегии, где их распределили по полкам. После этого случая престиж школы заметно упал, и она не набирала даже полного списка. К тому же в начале XIX в. был ликвидирован четвертый класс, где преподавали правоведение.

В связи с разнообразием обязанностей по должности генерал-прокурора, Лопухину приходилось много и интенсивно работать. И.И. Дмитриев, бывший в то время обер-прокурором Сената, вспоминал, что Лопухин был более опытен и сведущ в делах и законах, нежели его предшественник Куракин. По его мнению, он «скоро понимал всякое дело, но никаким с участием не занимался». Он не любил встречаться с прокурорами, а в трудных случаях склонен был поддерживать не своих подчиненных, а сенаторов, частенько вставая на их сторону. «Не предполагаю, — писал Дмитриев, чтобы он хотел сделать кого несчастным, но равно и того, чтоб он решился стоять за правду».

Писатель И.М. Долгоруков, сталкивавшийся с Лопухиным во времена своего губернаторства, в книге «Капище моего сердца» охарактеризовал его как «эгоиста по характеру и чувству», равнодушного к «родине, престолу и ближнему», жившему для «одной только плоти» и делавшего добро и зло «без умысла и намерения». Конечно, эта

характеристика сугубо личностная. Известно, что Долгоруков не жаловал своими оценками и других вельмож, которые чем-то не угодили ему.

А вот еще одно свидетельство о Лопухине — Д.Н. Бантыш-Каменского. По его отзыву, Лопухин был «высокого роста, с красивою и до глубокой старости наружностью, был вспыльчивого характера, но с добрым сердцем, имел быстрое соображение и навык в делах, искусный в общественной жизни дипломат и ловкий царедворец».

Возвышение Лопухина, столь стремительное и головокружительное, оказалось слишком кратковременным. Другие вельможи, в частности, П.И. Кутайсов, другие партии при дворе вскоре оттеснили его на второй план. По свидетельству Дмитриева, Кутайсов, хотя его сын и был женат на дочери Лопухина, Прасковье Петровне, «успел низложить своего свата». Дмитриев, правда, уточняет, что Кутайсов «только был орудием других недоброжелательствующих князю».

П.И. Кутайсов

7 июля 1799 г. Лопухин вынужден был подать рапорт об «отставке от всех дел». Император незамедлительно удовлетворил его просьбу.

Несмотря на отставку Лопухина, знаки внимания, которые император Павел I оказывал его дочери, Анне Петровне, становились все более откровенными, а «ухаживание» слишком требовательным. Как вспоминал ее единокровный брат, Павел Петрович, Анне Петровне пришлось даже напомнить императору, что «ее сердце не свободно и принадлежит майору князю П.Г. Гагарину», который в то время находился в Италии, в армии А.В. Суворова. Павел I тотчас направил депешу Суворову о том, чтобы тот прислал князя Гагарина курьером с «известием о первом счастливом событии». Поскольку победы Суворова следовали одна за другой, долго ждать курьера не пришлось.

Прибывший вскоре в Петербург двадцатитрехлетний Павел Гаврилович Гагарин был радушно принят императором, обласкан, произведен в генералы. 8 февраля 1800 г. во дворце с необычайной пышностью была отпразднована свадьба Анны Лопухиной и Павла Гагарина. В честь своей фаворитки Павел I приказал построить 130-и пушечный корабль «Благодать» (в переводе Анна — *Авт.*).

Анна Петровна была удостоена шарфа фрейлины, кокарды статс-дамы, награждена большим крестом Св. Екатерины и знаком Мальтийского ордена (орденом Св. Иоанна Иерусалимского), то есть наградами, которых редко удостоивались женщины. После замужества Анны, Павел Васильевич уехал в Москву, отдав дочери в приданое свой дом на Дворцовой набережной. Когда ему напоминали о положении дочери при дворе, он неизменно отвечал: «Пока она была в девицах, я по отцовской обязанности ее защищал; теперь она замужем; у нее есть защитник; мне до них дела никакого нет». Анна Петровна скончалась в 1805 г.

До вступления на престол императора Александра I Лопухин никаких должностей не занимал.

«ПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ ПРОСТИТЬ МЕНЯ...»

Новый виток служебной карьеры П.В. Лопухина начался в царствование Александра I. Молодой император предложил Лопухину стать членом Государственного совета. В день своей коронации он подарил князю богатую табакерку, украшенную собственным портретом.

Н.Н. Новосильцев

В октябре 1803 г. Лопухин был назначен министром юстиции и генерал-прокурором. Первому министру юстиции Г.Р. Державину товарищ так и не был определен. Лопухин же без заместителя не остался. 21 октября 1803 г. товарищем министра становится один из близких друзей Александра I Николай Николаевич Новосильцев. Он родился в 1768 г. В первый год царствования Александра I входил вместе с Кочубеем, Строгановым и Чарторыским в так называемый Негласный комитет, который управлял всеми делами. Впоследствии Новосильцев достиг поста председателя Государственного совета и Комитета министров, стал графом. Современники отмечали, что Новосильцев был человеком необыкновенного ума, обладал обширными знаниями и «замечательным даром слова». В то же время он был вспыльчивый, коварный, бездушный и жестокий, «охотник до всех чувственных наслаждений».

Высочайшим указом на Лопухина было возложено управление Комиссией составления законов. Это свидетельствовало об особом доверии к нему императора, стремившегося к широким преобразованиям. Со времени Петра I подобные комиссии создавались всеми императорами, но трудились они почти бесплодно. Вступив на престол, Александр I первоначально оставил Комиссию в своем ведении, возложив управление ею на графа Завадовского, но потом поручил ее министру юстиции Лопухину. В министерстве Комиссия работала под непосредственным руководством товарища министра Новосильцева. В феврале 1804 г. Лопухин добился упразднения прежней Комиссии и образования новой. Вместе с Новосильцевым он представил Александру I специальный доклад об устройстве Комиссии составления законов. В состав ее в качестве членов входили только он сам и его товарищ. Делопроизводство Комиссии распределялось между тремя экспедициями. Они состояли из так называемых редакторов, их помощников и канцелярских служащих. Возглавлял каждую экспедицию реферндарий, то есть докладчик. Во главе их был поставлен главный секретарь и первый реферндарий барон Розенкампф, человек не только далекий от юриспруденции и не знавший законов, но и плохо изъяснявшийся по-русски, почти не обходившийся без переводчика.

Александр I возлагал на Комиссию составления законов большие надежды. Лопухину было предложено немедленно составить план занятий Комиссии и ежемесячно представлять государю отчеты о проделанной работе и намечаемых мероприятиях.

Однако поскольку Александр I вскоре охладел к работе Комиссии, министр юстиции Лопухин был чрезвычайно занят другими неотложными делами. Его помощника Новосильцева больше интересовала светская жизнь, а выбор первого реферндария оказался крайне неудачным (тот не только тормозил работу Комиссии, но и заменил в ней всех русских чиновников немцами) — подготовка законов за несколько лет не продвинулась вперед ни на шаг.

16 декабря 1808 г. на место Новосильцева в министерстве юстиции был назначен М.М. Сперанский. Это было сделано лишь с одной целью — оживить работу Комиссии. В рескрипте на имя министра юстиции Лопухина отмечалось: «Желая сколь можно ускорить совершением возложенных на Комиссию составления законов трудов, Я поручаю вам, особенно и исключительно от всех прочих дел, к производству Правительствующего сената и Департамента Мини-

стерства юстиции принадлежащих, употребить по сей части Действительного Статского Советника Сперанского. По докладам сей Комиссии, усмотрению Моему подлежащим, имеет он Мне докладывать».

Выбор товарища министра юстиции оказался как нельзя более удачным. Комиссия преобразилась. Неистощимая энергия и фантазия били в Сперанском ключом, а предоставленное ему право лично докладывать государю о работе Комиссии, сняло тяжкий груз ответственности с Лопухина.

Михаил Михайлович Сперанский родился в 1772 г. в семье сельского священника. Первоначальное образование получил в Суздальской духовной семинарии, а затем продолжал обучение в Петербургской духовной семинарии,

М.М. Сперанский

позднее преобразованной в академию. После ее окончания он остался там преподавать. Генерал-прокурор князь А.Б. Куракин заметил молодого талантливоего магистра богословия и взял его в свою канцелярию, где тот быстро занял ведущее положение. Сперанский обладал поразительной работоспособностью, умел отменно писать и говорить. При Александре I он стал статс-секретарем Государственного совета. Затем граф Кочубей взял его управляющим департаментом министерства внутренних дел.

Сперанский энергично принялся за работу. Стали появляться проекты законов, для рассмотрения которых был учрежден особый комитет, в который вошли министр юстиции Лопухин, граф Завадовский, князь Чарторынский, граф Северин-Потоцкий, сенаторы Алексеев и Карнеев.

Комиссией составления законов министерства юстиции были выработаны основные законодательные акты по преобразованию центральных учреждений Российской империи. В частности, в 1809 г. Сперанский закончил составление проекта указа о Государственном совете, который и был вскоре принят. Новый Государственный совет открылся 1 января 1810 г. Сам автор закона стал государственным секретарем Совета.

Со времени назначения Сперанского товарищем министра Лопухин мало вникал в деятельность Комиссии составления законов, все свое время посвящая текущим делам Правительствующего сената и министерства юстиции.

В целях улучшения рассмотрения дел в Сенате, Лопухин добился учреждения двух новых департаментов, а также создания временных комитетов «для обозрения принесенных в Сенат жалоб», так как число их было довольно велико. Для ускорения движения судебных дел, по предложению генерал-прокурора, некоторые департаменты были разделены на отделения.

Отношения Лопухина, как генерал-прокурора, с сенаторами складывались непросто. С некоторыми из них у него происходили острые стычки. Особенно донимал его один сенатор — дальний родственник Иван Владимирович Лопухин, который чаще других выступал с особыми мнениями по решаемым делам.

Впоследствии И.В. Лопухин писал в своих «Записках», что в те времена в Сенате «стремились осуждать сколь можно строже, и не только ни мало не принимали на себя труда сыскивать в законах и обстоятельствах дел способы к пощаде человека, но не уважали их и там, где они сами собою представлялись зрению и рассудку». Он считал, напри-

мер, неправильным, что в собраниях Сената не столько «рассуждали о делах», сколько «на скорую руку» писали мнения и «не обременяя себя дальнейшими рассуждениями», соглашались со всеми предложениями генерал-прокурора и обер-прокуроров.

Неуступчивость И.В. Лопухина привела к тому, что при новом распределении сенаторов он был переведен из 6-го департамента в 8-й, занимавшийся апелляционными делами. По этому поводу И.В. Лопухин писал: «Хотя министр юстиции на очень резкое письмо мое о том к нему, отвечал мне, что сам государь изволил меня назначить, а он тому только радовался, желая, чтоб все лучшие господа сенаторы были в апелляционных департаментах, где больше соблазнов. Но я не могу поверить, чтоб сей родственник и впрочем конечно доброжелатель мой не участвовал в оном переходе моем и со своей стороны. Отдавая всю справедливость сему отлично проницательному опытному в службе и деятельному министру, знаю однакож, что неуступчивые очень ему неприятны».

Сенатор И.В. Лопухин признавал, что генерал-прокурор был в то время настолько авторитетным, что всегда добивался принятия нужных ему решений. С этим он не мог смириться и начинал спорить. Иногда сенаторы говорили ему: «Неужели ты один всех умнее?» На это И.В. Лопухин отвечал: «Неужели один генерал-прокурор или обер-прокурор всегда всех умнее, а вы с ними соглашаетесь?» Сенаторы говорили: «Их это должность».

И.В. Лопухин писал в «Записках», что укоренившийся в Сенате обычай «большинством голосов соглашаться с предложениями министра юстиции или какого-нибудь модного обер-прокурора», был равносителен тому, что «они одни решали дела, а сенаторские рассуждения и труды совсем становились лишние». По его мнению, тому виною была «самих же сенаторов слабость». «Вследствие отступления от своих мнений и согласия с такими предложениями, — писал он, — ясно обнаруживает жалкое состояние суда в самом верховном судилище и правительстве, коего долг наблюдать за правосудием во всем государстве».

В марте 1805 г. при участии генерал-прокурора Сенат слушал одно довольно интересное дело. Некий казак Филипп Павленко обратился с прошением об освобождении его с семьей от крепостной зависимости и возвращении принадлежавшей его предкам земли. Суть дела заключалась в следующем. При ревизии 1764 г. одна расторопная крепостница Ятченко записала за собой землю в деревне

Альбове Стародубского уезда Черниговской губернии, якобы заложенную ей в 1747 г. предками Павленко, а заодно и жившее на ней семейство последнего. В 1782 г. то же самое проделала и ее дочь, Пелагея Яновская. На основе этих записей их родственник Яков Яновский доказывал свое право на владение семьей Павленко и землей, на которой они жили. Со своей стороны Ф. Павленко подвергал сомнению законность сделанных записей, утверждая, что, согласно ревизиям 1743 и 1748 годов, его предки значились свободными казаками. В доказательство этого он представил в Сенат свидетельства 19 человек, подтверждавшие его казацкое происхождение.

Третий департамент Сената, первоначально слушавший это дело, отказал в удовлетворении ходатайства Павленко. По его жалобе дело было передано на окончательное решение в общее собрание Правительствующего сената. Первоначально сенаторы «объявили разные мнения». В частности, сенаторы Беклешов, Новосильцев, Трощинский, Тутолмин и некоторые другие полагали необходимым освободить Павленко от крепостной зависимости и вернуть ему земли. Сенаторы Алексеев, Ананьевский, Гуреев, Неплюев и другие, со своей стороны, считали, что следовало бы получить дополнительные сведения, подтверждающие принадлежность истца к казацкому сословию.

Учитывая, что сенаторы не достигли согласия, вынужден был высказаться генерал-прокурор. Лопухин поддержал тех сенаторов, которые стояли за освобождение Павленко от крепостной зависимости; что же касается земли, то он предложил предоставить истцу только право просить о ее возвращении. Сенаторы приняли такое решение единогласно.

Однако решения не всегда завершались удовлетворением требований истцов. Частенько они сами попадали под суд за «несправедливые жалобы на решения Сената». Так, по предложению Лопухина в октябре 1804 г. были преданы суду за подобные «проступки» губернский секретарь Семен Григорьев, отставной гвардии капитан Алексей Кравцев, одесский купец Иван Беломорский, фабрикант Хаима Горщовец и другие лица.

Важные функции в Сенате генерал-прокурор Лопухин выполнял также по надзору за законностью проведения генерального межевания земель. Межевание земель было одним из болезненных вопросов российской действительности. Генеральное межевание было начато еще в самые первые годы царствования Екатерины II, а именно в 1766 г., и

продолжалось свыше пятидесяти лет. Основной целью межевания являлось «утверждение спокойствия владельцев укреплением границ их владений». Споры о границах, возникавшие при межевании рассматривались особыми межевыми судами. Все остальные вопросы подлежали ведению межевых контор и Межевого департамента Правительствующего сената. К началу XIX в. межевание закончилось в 24 центральных губерниях. В этих условиях Лопухин в качестве генерал-прокурора осуществлял надзор за всеми судебно-межевыми делами, производившимися в Сенате. На местах этими вопросами занимались прокуроры межевых контор (эти должности были введены в 1797 году).

Поскольку при генеральном межевании определялись, в основном, границы селений, то образовалось много так называемых «общих дач», или межевых округов. Внутри их также постоянно возникали споры. Еще в 1798 г. Высочайшим указом, данным на имя генерал-прокурора Лопухина, было повелено Сенату составить «точные и единообразные правила» для вымежевания отдельных владельцев. Только в 1806 г. Сенат подготовил правила о «полюбовном», то есть добровольном, межевании. В этих случаях уездные суды обычно утверждали так называемую «полюбовную сказку», а уездный землемер приводил такое решение в исполнение и определял границы владений. Однако правила «понудительного» межевания были составлены только в 1820 г.

В период генерал-прокурорства Лопухина для обер-прокуроров Правительствующего сената были Высочайше утверждены особые мундиры. Они состояли из кафтана темнозеленого цвета и с таким же подбоем, красной суконной выпушки по борту и около карманных клапанов; воротник и обшлага были красного цвета, суконные, с золотым по борту шитьем; пуговицы золоченые, с изображением Российского герба.

По своей должности министра юстиции Лопухин часто принимал посетителей, для которых он был очень доступен. С.П. Жихарев в своих «Записках современника» вспоминал, как он, еще совсем молодым, с рекомендательным письмом Г.Р. Державина впервые пришел на прием к Лопухину: «Меня впустили без доклада, потому что, кажется, и всех без докладов принимали. Какой-то молодой человек подошел ко мне с вопросом: «Что вам угодно?» — «Ничего, — отвечал я, — хочу только вручить его светлости вот это письмо от Г.Р. Державина...». Вскоре меня пригласили в кабинет министра. Князь сидел на диване, опершись обеими

ми руками на стол и поддерживая ими голову — прекрасную голову мужчины лет пятидесяти пяти с чем-нибудь, и читал книгу, кажется французскую энциклопедию. Я подал ему письмо, которое прочитав и положив на стол, сказал: «Садись, братец; что делает Гаврила Романович и давно ли ты знаком с ним?...». Я никого не встречал в его лета с такими прекрасными, правильными чертами лица, — писал далее Жихарев, — и что он снисходительно принимает даже и тех людей, которые, не имея к нему никаких определенных отношений, ни надобности, попали в кабинет его, может быть, не совсем вовремя».

По свидетельству же самого Г.Р. Державина, Лопухин был «человек старинного покроя и не тяготился принять и обласкать молодого человека, у которого нет связей».

На некоторые прошения Лопухин вынужден был давать отрицательные ответы. И хотя делал он это в корректной форме, у него появлялись недоброжелатели.

Так, некий Новосельский с упреком написал Лопухину, что тот наговорил ему много оскорбительных слов, когда он обратился к нему как к министру юстиции. В письме Новосельский отмечает, что он сам происходит от «древнейшей светлости», угрожает «мщением судьбы» и просит представить доказательства, что министр юстиции не по званию, а по истине присутствует в Лопухине.

На столь дерзкое письмо, написанное в резких выражениях, Лопухин отвечает сдержанно и с достоинством. Он писал: «Сообразив весь разговор наш, хотя я не нахожу себя ни в чем виноватым, но ежели вам показалось обидным искреннее признание, что требования ваши, рассмотренные уже и Государем, неосновательны, то в сем покорнейше прошу простить меня». Отвечая на упреки, он замечает автору письма, что носимый им титул «светлости», не просвещает ума его, не греет на морозе, не делает светлой темную комнату, а только дает незнающим его повод думать о нем хуже, чем есть на самом деле. В заключение Лопухин просит Новосельского сказать о том, чем может он быть ему полезен, несмотря на все неприятности, перенесенные от него на словах и в письме. Оканчивает ответ напоминанием того, что он менее злопамятен, чем Новосельский мститель.

П.В. Лопухин продолжал активно использовать в работе министерства юстиции консультацию, созданную Г.Р. Державиным. Обычно он направлял туда особенно сложные и запутанные дела. Наиболее опытным юрисконсультантом был Иван Алексеевич Соколов, в то время уже старик, большой

любитель шахмат и, по отзывам современников, умный и благонамеренный, готовый всегда дать добрый совет людям «безгласным и не имеющим покровительства». Хорошо зная законы, он в то же время был чрезвычайно осторожен с начальниками и людьми так называемого «высшего круга». Соколов исполнял свои обязанности «свято и беспристрастно», всегда давал дельные, толковые и юридически обоснованные советы, при этом никогда и никому не навязывая своего мнения. Обычно он говорил так: «Мое мнение такое-то, а там как посудят, так посудят».

Во второй половине XVIII в. генерал-прокуроры, как известно, руководили таким карательным органом, как Тайная экспедиция. Теперь ее больше не существовало. Уничтожив ее при восшествии на престол, Александр I тем не менее ощущал необходимость в подобном органе. Когда в 1805 г. Россия совместно с Австрией вступила в войну с Наполеоном, император, отправляясь в армию, сказал помощнику главнокомандующего в Санкт-Петербурге Е.Ф.Комаровскому: «Я желаю, чтобы учреждена была секретная полиция, которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах».

5 сентября 1805 г. такой орган — Комитет высшей полиции — был создан. В него вошли министр внутренних дел Кочубей, министр юстиции Лопухин и главнокомандующий в Петербурге Вязмитинов. Комитет создавался с целью «сохранения всеобщего спокойствия и тишины граждан и облегчения народного продовольствия». Наставление для Комитета было составлено товарищем министра юстиции Новосильцевым. Комитет призван был «немедленно и исправно» получать информацию о внутреннем положении в стране. Обер-полицмейстеру вменялось в обязанность сообщать в Комитет о всех подозрительных лицах, слухах, «скопищах» и собраниях людей, о приезжающих в столицу, а также о состоянии продовольствия и тому подобное. Министр внутренних дел представлял сообщения о слухах, поступавших к нему от губернаторов, а директор почты — о всякой подозрительной переписке. Комитет, обработав все эти разрозненные сведения, обязан был со своим мнением регулярно представлять доклады императору.

Однако названный Комитет так и не приступил к своей деятельности. Неудачи в войне с Наполеоном, усиление оппозиционных настроений в России требовали принятия более решительных мер. Необходимо было обезопасить границы страны, подготовиться к возможному вторжению неприятеля.

В конце 1806 г. был издан манифест об учреждении временного земского войска, или милиции. Все сословия призывались к пожертвованию: острая нужда была в деньгах, хлебе, аммуниции и особенно в оружии. Довольно быстро собранную армию ополченцев, численностью более шестисот тысяч человек, могли снабдить ружьями только на четверть. Остальные ратники получили пики и колья. По всем этим вопросам губернским начальникам и прокурорам были даны соответствующие поручения. Некоторые сенаторы направлялись по губерниям, чтобы на месте наблюдать за учреждением земского войска и соблюдением при этом спокойствия и порядка. По отчетам сенаторов, «расположение к жертвованиям деньгами и прочем возбуждено до чрезмерности». Они отмечали «общий дух рвения и верности». Однако, что касалось набора ополченцев, то здесь было все гораздо сложнее. Один из сенаторов писал: «Не могу скрыть, что часто, особенно в тех состояниях, из коих рядовые ратники избираются, много неудовольствия».

В этих сложных внутригосударственных условиях, взамен так и не приступившего к работе Комитета высшей полиции был создан Комитет сохранения общественной безопасности, получивший официальное наименование «Комитет 13-го января 1807 г.». Он призван был «предупредить пагубные замыслы внешних врагов государства». Во главе созданного Комитета был поставлен П.В. Лопухин. Членами Комитета стали Н.Н. Новосильцев и сенатор А.С. Макаров, бывший в 90-х г. XVIII столетия в начале помощником, а затем и преемником начальника Тайной экспедиции С.И. Шешковского. К работе Комитета привлекались также С.К. Вязмитинов, В.П. Кочубей, генерал-фельдмаршал Н.И. Салтыков, министр полиции А.Д. Балашов, военный министр А.А. Аракчеев. Комитет действовал вплоть до 1829 г.

Весть о создании такого Комитета радикально настроенными чиновниками была воспринята с радостью. Вот что писал о том периоде С.П. Жихарев: «Слава Богу! Пора обуздать болтовню людей неблагонамеренных; может быть, иные врут по глупости, находясь под влиянием французов, но и глупца унять должно, когда он вреден, а сверх того, не надобно забывать, что нет глупца, который бы не имел своих подражателей: глупец всегда находит еще большего глупца, который им восторгается; — следовательно, учреждение Комитета как раз вовремя».

Комитет фактически возглавлял организацию политического сыска в стране и стал как бы промежуточным звеном

между уничтоженной Тайной экспедицией и созданным позднее, в 1826 г., Третьим отделением Собственной его императорского величества канцелярией.

Комитет должен был «предписывать порядок следствий и наблюдать за производством оных». На него возлагалось рассмотрение дел: о лицах, подозреваемых в переписке с неприятелем и в зловредных разглашениях; о возбуждении народа слухами о вольности крестьян; о подозрениях и изветах заговора против государя императора; об оскорблении особы императора и членов императорского дома дерзкими и неприличными словами; о государственной измене; о распространениях в народе ложных и вредных слухов по поводу военных событий; о составлении и распространении возмутительных воззваний, вредных сочинений; о тайных обществах и запрещенных сходбищах и тому подобных.

Дознание по всем таким делам проводили местные полицейские власти, которые затем передавали материалы в Комитет для дальнейшего расследования и принятия решения. Приговор, вынесенный Комитетом, утверждал император. При Комитете была создана специальная канцелярия, названная Особенной, со штатом 23 человека.

Наиболее интенсивно Комитет работал в период между 1807 и 1810 гг., когда было проведено 179 заседаний. За эти годы в Комитет поступили 94 дела, из них 57 были рассмотрены. В последующие годы активность работы Комитета заметно снизилась.

Лопухин старался по мере своих возможностей поддерживать местный прокурорский надзор, заступаясь за губернских прокуроров, когда губернаторы стремились совсем уж откровенно прибрать их к рукам. Так, по его предложению в 1805 г. Сенат направил на места разъяснение о том, что губернаторы не имеют права давать предписания прокурорам, как непосредственно подчиняющимся только генерал-прокурору.

Среди губернских прокуроров во время генерал-прокурорства Лопухина было назначено немало талантливых и способных чиновников, оставивших заметный след не только на прокурорском поприще, но и в литературе. Например, в марте 1807 г. псковским губернским прокурором был назначен Дмитрий Петрович Горчаков. Он родился в 1758 г. в небогатой дворянской семье. С детских лет был записан в Вятский карабинерный полк и уже с одиннадцатилетнего возраста участвовал в военных походах. Будучи волонтером в войсках А.В. Суворова, штурмовал Измаил и был отмечен за храбрость лично главнокомандующим, который

представил его к награде. С 1793 г. он служил в Тульской верхней расправе, но вскоре после этого вышел в отставку. При Лопухине Горчаков занимал вначале должность губернского прокурора в Пскове, а в 1808—1810 гг. — в Таврической губернии. Впоследствии он служил в министерстве просвещения, в канцелярии М.И. Кутузова, исполнял обязанности губернатора в Костроме.

Д.П. Горчаков был незаурядным поэтом и драматургом, писал сатиры и эпиграммы. В своих стихах высмеивал литературные распри, осуждал фаворитизм, полицейский произвол. Под его сатирическим прицелом оказались даже такие всесильные вельможи, как Г.А. Потемкин, А.А. Безбородко, начальник Тайной экспедиции С.И. Шешковский и другие. В царствование Александра I он занимал позиции довольно консервативные, поэтизировал «славное Екатерининское время» и предрекал конец «непрочному зданию реформ» молодого царя.

«Я НЕ ОТДЫХАЮ И НЕ СПЛЮ...»

Петр Васильевич Лопухин занимал пост министра юстиции и генерал-прокурора в течение шести лет. В начале 1810 г. на эту должность был назначен И.И. Дмитриев.

С 1 января того же года начал работу обновленный Государственный совет. Его основные функции заключались в обсуждении всех законопроектов и других важных государственных дел с точки зрения соответствия их ранее изданным законам. Совет не обладал самостоятельной властью, а выступал лишь как совещательный орган при императоре. Совет обсуждал также судебные решения и приговоры перед утверждением их Александром I.

Государственный совет делился на четыре департамента: законов, дел военных, дел гражданских и духовных и государственной экономии. При нем находились две комиссии: Комиссия прошений и Комиссия составления законов, переданная туда из министерства юстиции, а также Государственная канцелярия, во главе которой был поставлен М.М. Сперанский. Председателем Государственного совета считался сам император, а в его отсутствие обязанности председателя исполнял один из членов Совета, назначаемый ежегодно Александром I. Законопроекты вначале обсуждались в департаментах, затем — на общем собрании

Государственного совета, а после утверждения императором получали силу закона.

На случай отсутствия Александра I первым председателем Государственного совета был назначен граф Н.П. Румянцев. С 1812 г. председатель Совета являлся одновременно и председателем Комитета министров.

Первыми председателями департаментов были назначены: законов — граф П.В. Завадовский, военных дел — граф А.А. Аракчеев, гражданских и духовных дел — князь П.В. Лопухин и государственной экономии — Н.С. Мордвинов.

В обязанности департамента гражданских и духовных дел, который возглавлял Лопухин, входило рассмотрение дел по ведомству министерства юстиции и полиции и духовному управлению.

Заседания Государственного совета до 1821 г. проходили в канцелярском доме напротив Зимнего дворца, затем в самом дворце, а позднее — в здании Эрмитажа.

30 марта 1812 г. Лопухину было «повелено» председательствовать в департаменте законов и других департаментах, а в 1816 г. он стал председателем Совета и Комитета министров. В этом звании он оставался до конца своей жизни.

Лопухину приходилось заниматься весьма разнообразными делами. Остановимся на самом кульминационном моменте — восшествии на престол Николая I и восстании декабристов. Какова была роль Лопухина в этих событиях?

Если начало царствования Александра I было связано с реформами, заметным оживлением общественной жизни, ожиданием больших надежд, то после 1812 г. положение постепенно стало меняться. В обществе все острее зрело недовольство и политикой Александра I, и сохранением крепостной зависимости. Известный публицист начала XIX в. А.И. Кошелев писал о том времени: «Смутно вспоминаю я о либеральных толках, бывших в 1818—1822 гг., особенно между военными, возвратившимися из Франции после 1812—1815 гг.; но очень положительно и ясно сохранились в моей памяти жалобы на слабость Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву. И старики и люди зрелого возраста, и в особенности молодежь; словом чуть-чуть не все, беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды. Неудовольствие было сильное и всеобщее».

Митрополит
Филарет

По мнению современников, особенно тяжелыми оказались последние два года царствования Александра I. Правительство было подозрительно ко всем, кругом насаждались шпионы и доносители. Полиция следила не только за рядовыми людьми, но даже за всемогущим Аракчеевым.

В ряде мест России возникли тайные общества. Об этом доносили императору. В 1824 г. Александр I записал: «Есть слухи, что пагубный дух *вольномыслия* или *либерализма* разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии».

В начале сентября 1825 г. Александр I выехал в Таганрог. В столичной жизни «водворилось полнейшее затишье». 25 ноября того же года председатель Государственного совета Лопухин получил от начальника штаба генерал-адъютанта барона Дибича письмо, в котором тот писал о серьезной болезни императора. В письме сообщалось, что «хотя медики еще не теряют надежды, но они находят положение государя весьма опасным».

Вскоре после этого пришло сообщение о смерти императора. Российский престол должен был занять великий князь Константин Павлович. Однако еще при жизни Александра I был составлен акт об отречении Константина от престола в пользу его брата Николая Павловича. О существовании акта знали трое: граф Аракчеев, князь Голицын и Московский архиепископ Филарет.

27 ноября, в два часа дня, Лопухин назначил чрезвычайное собрание Государственного совета. На нем он и князь Голицын предложили, что до присяги на верность Константину Павловичу необходимо вскрыть запечатанный пакет с волей Александра I о наследнике престола. Со своей стороны министр юстиции Д.И. Лобанов-Ростовский высказал мнение, что делать этого не следует, что Совет — только канцелярия государя и не вправе решать такие вопросы.

Лопухин все же приказал принести пакет, что и исполнил государственный секретарь А.Н. Оленин. В это время явился граф Милорадович. Он сказал, что великий князь Николай Павлович уже присягнул своему старшему брату, и что он лично и войска также присягнули. Возникли споры. Лопухин все же предложил Оленину распечатать пакет и приступить к чтению. Несмотря на прочитанный акт, в котором недвусмысленно излагалась воля Александра I, Государственный совет присягнул Константину Павловичу. После этого в Варшаву был направлен фельдъегерь с решением Совета. Такое же «всеподданнейшее» письмо направили Константину Павловичу военный министр Татищев и министр юстиции Лобанов-Ростовский.

В субботу, 28 ноября 1825 г. в «Северной Пчеле», в траурной рамке, в отделе внутренних известий было напечатано следующее сообщение: «Неисповедимый в судьбах своих Промысел Всевышнего посетил Российскую империю горестию, коей никакими словами выразить невозможно».

Прибывший 27-го сего ноября из Таганрога курьер привез плачевную весть о кончине его величества государя императора Александра Павловича.

А. Н. Оленин

При первом известии о сем неожиданном несчастье, августейшие члены императорского дома, Государственный совет и министры собрались во дворце, где его высочество великий князь Николай Павлович сначала, а за ним и все собравшиеся чиновники, учинили присягу в верности его императорскому величеству государю императору Константину Первому».

Однако присяга оказалась преждевременной. Константин Павлович подтвердил свой отказ взойти на российский престол. В письме на имя Лопухина он высказал, причем в довольно резких выражениях, свое неудовольствие Государственному совету за принесенную присягу, «противную воле покойного государя». К этому заявлению Константин Павлович присовокупил нечто вроде выговора председателю Государственного совета Лопухину.

Еще более откровенно высказался Константин Павлович в письме на имя министра юстиции Лобанова-Ростовского.

Великий князь Николай Павлович, со своей стороны, также написал брату в Варшаву. Ответ не замедлил себя ждать — Константин Павлович отказывался от престола.

Теперь требовалось написать манифест, чтобы обосновать необходимость вступления на престол Николая Павловича. Напечатать ответы Константина Павловича посчитали неудобным из-за их резкости. К составлению манифеста были привлечены Карамзин и Сперанский. Он был подписан 13 декабря, но на нем стояла дата «12 декабря». Это был день, когда вопрос о воцарении Николая Первого решился окончательно.

В день подписания манифеста Николай I написал Лопухину: «Имея поручение от государя императора сообщить высочайшую волю Государственному совету, прошу вас покорнейше приказать собраться оному секретным собранием в восемь часов пополудни».

Лопухин, получив эту записку, лично привез ее государственному секретарю Оленину. Тот удивился и спросил: «Что это, ваша светлость, давно ли вы записались в курьеры?» «Ну, ты говори, — ответил Лопухин, — ведь, братец, у страха глаза велики — ты видишь, какие времена. Я не отдыхаю и не сплю».

Оленин немедленно разослал повестки членам Государственного совета. Сам пришел в Зимний дворец на час раньше. Зашел к Николаю Павловичу, чтобы обсудить процедуру собрания. Позднее он писал по этому поводу: «Касательно занятия им места в Государственном совете его высочество приказал мне так распорядиться, чтобы с начала заседания до прочтения его высочеством вносимых в оное бумаг сидел по правую сторону председателя, а подле него великий князь Михаил Павлович, по прочтении же манифеста о восшествии на престол он пересядет на место председателя, а председатель займет его место, а великий князь Михаил Павлович останется на своем месте».

Члены Государственного совета собрались вовремя. Однако Михаил Павлович, отсутствовавший в Петербурге, задерживался, и чтение манифеста откладывалось. Наконец, поздно ночью, так и не дождавшись своего брата, Николай Павлович огласил манифест о своем восшествии на престол и письмо Константина Павловича на имя князя Лопухина. После этого он покинул Государственный совет.

Вот как описывает в своих воспоминаниях заседание Государственного совета один из его участников А.С. Шишков: «Мы собираемся не ведая тому причины... Все мы сидим в глубоком молчании час, два, три и более. Наступает полночь. Позвали нас ужинать. Отужинав, садимся мы опять по своим местам. Тут вскоре приходит великий князь Николай Павлович, садится между нами и начинает сам

Великий князь Михаил Павлович

читать письма Константина Павловича к нему и к матери своей, императрице, в которых он отрицается навсегда от принятия престола и говорит, что он уже присягнул брату своему Николаю Павловичу. Вследствие сего новый император Николай Первый подозвал к себе министра юстиции князя Лобанова-Ростовского и, сказав нам между прочим: «Сегодня я вас прошу, а завтра буду приказывать», — поручил ему бумаги сии тотчас напечатать, обнародовать и поутру привести всех к присяге. По окончании сего, откланялся нам, ушел, и мы все разъехались».

События последних дней были известны только высшим сановникам. Народ, войска, многие придворные были в полном неведении относительно отказа от престола Константина Павловича. Поэтому Николай I готовился к худшему.

Наступило 14 декабря 1825 года... В 7 часов утра были созваны для присяги Правительствующий сенат, Государст-

венный совет, Святейший синод, разосланы повестки всем, имеющим доступ во дворец.

Николай I в мундире Измайловского полка вышел в зал, где собрались генералы и командиры гвардейского корпуса. Новый император прочитал им манифест и спросил, имеет ли кто из собравшихся сомнение. Сомневающихся не оказалось. Тогда Николай I сказал: «После этого вы отвечаете мне головой за спокойствие в столице». Предупреждение было не праздное. Довольно скоро выяснилось, что некоторые полки отказались присягать Николаю I... Так началось знаменитое восстание декабристов.

Рассказывая о событиях 14 декабря, Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Видел императора на коне, среди войска, видел ужасные лица, слышал ужасные слова, и камней пять, шесть упало к моим ногам».

В этот день все были на улице. Во дворце, как вспоминали очевидцы, оставались только два генерала: министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, «по старости», и граф Аракчеев — «по трусости». Вскоре к ним присоединились

В.С. Ланской

князь Лопухин и князь Алексей Куракин. Аракчеев заметно оживился и присел к ним на диванчик. Карамзин записал тогда: «Среди общего движения, в стороне неподвижно сидели три магната, как три монумента».

По словам Карамзина, когда на Сенатской площади грянула первая пушка, императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз проговорила: «Для чего я женщина в эти минуты». Императрица Мария Федоровна без конца повторяла: «Что скажет Европа». Ее это беспокоило больше, чем сама трагедия.

«Я случился подле них, — вспоминал Карамзин, — чувствовал живо, сильно, но сам дивился спокойствию моей души странной; опасность под носом, уже не опасность, а рок, и не смущает сердца: смотришь ей прямо в глаза с какою-то тишиною».

На следующий день, 15 декабря, Николай I сообщал своему брату Константину Павловичу: «Дорогой, дорогой Константин! Ваша воля исполнена; я — император, но какою ценою, Боже мой! Ценою крови моих подданных!»

Император, только что вступивший на престол, не скупился на выражения по адресу народа. Восставших он охарактеризовал «массой всякой сволочи», «поголовно пьяными», называл их «шайкой», «канальями» и тому подобными выражениями.

Великий князь Константин отвечал в таком же духе: «Эта сволочь была недовольна, что имеет государем ангела, и составляла заговор против него... Пусть ваше милосердие не увлечет вас слишком далеко.»

Началось следствие. Страна стала погружаться в пучину страха и подозрительности. Об этом красноречиво свидетельствует, например, Высочайший рескрипт, переданный председателю Государственного совета Лопухину через Оленина в феврале 1826 г. «Его императорское величество по одному из дел Государственного совета поднесенных на высочайшее благоусмотрение, изволил заметить, что голос сенатора, в Правительствующем сенате данный, дошел до сведения его величества помимо установленного порядка (то есть прежде поднесения мнения по сему делу от Государственного совета), вследствие чего Его величеству угодно было повелеть: обстоятельство сие поставить на вид Государственного совета и притом объяснить, что как голос сей мог только быть известен в Правительствующем сенате и его канцелярии, или в Государственном совете и в государственной канцелярии, то Государь император находит предосудительным, чтоб дела, слушанные в сих верховных при-

Николай I

сутственных местах, преждевременно оглашались в публике». Далее Оленин писал, что император напомнил о «сохранении тайны канцелярской между присутствующими».

А вот еще один пример такого же рода. 21 апреля 1826 г. на имя управляющего министерством внутренних дел В.С. Ланского Николай I дал рескрипт, в котором предложил «истребовать по всему государству обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и неслужащих дворян в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы названием они ни существовали, впредь принадлежать не будут, и если кто прежде в каком-либо из них когда бы то ни было принадлежал, то с подробным объяснением в обязательстве его: под каким названием оно существовало, какая была цель его, и какие меры предполагалось было употреблять для достижения той цели?». При этом предписывалось, чтобы все, «кто сделался соучастниками без всяких форм, клятв, обязательств, чрез разговор при встрече», объявляли о том чистосердечно. Этот рескрипт, по мнению современников, вызвал «немало ду-

шевных тревог и тяжелых дум» не только в чиновной среде, но даже среди людей, «давно удалившихся от дел».

1 июня 1826 г. последовал указ о назначении над участниками восстания Верховного уголовного суда. Он был составлен из членов Государственного совета, Сената и Синода с присоединением нескольких высших военных чинов и гражданских лиц. В манифесте лицемерно отмечалось, что суд был «справедливости нелицеприятной, ничем не колеблемой, на законе и силе доказательств утвержденной».

Председателем Верховного уголовного суда назначен был П.В. Лопухин. В случае же болезни последнего на его место должен был заступить Алексей Куракин.

Министру юстиции Лобанову-Ростовскому повелено было «исполнять в суде генерал-прокурора».

Верховному уголовному суду были преданы 121 человек. Первое заседание состоялось 3 июня, а последнее — 11 июля 1826 г.

Николай I писал в эти дни Константину Павловичу: «В четверг (3 июня) начался суд со всей приличествующей порядностью; заседания не прерываются с десяти часов утра до трех пополудни; при всем том я не знаю еще, к какому приблизительно дню это может быть окончено. Затем наступит казнь, ужасный день, о котором я не могу думать без содрагания. Я предполагаю произвести ее на эспланаде крепости».

Вот что означала «справедливость» по-императорски. Суд еще только начался, а Николай I уже все решил и даже наметил место казни.

Подсудимые видели своих судей только однажды — 12 июля, когда им был объявлен приговор.

Суд приговорил к четвертованию пять человек, поставленных вне разрядов: П.Пестеля, К.Рылеева, С.Муравьева-Апостола, М.Бестужева-Рюмина и П.Каховского. К смертной казни, через отсечение головы, приговаривался 31 человек, остальные — к вечной каторге.

Когда князь Лопухин представил приговор Николаю I, тот утвердил смертную казнь через повешение для пяти человек, хотя и заметил при этом, что «офицеров не вешают, а расстреливают».

Казнь состоялась 13 июля 1826 г. Она произвела в русском обществе потрясающее впечатление. Никто не ожидал такого исхода. «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности», — писал А.И. Кошелев.

Великий князь Константин Павлович

Незадолго до казни, 3 июля 1826 г., по указанию Николая I было образовано Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии под начальством А.Х. Бенкендорфа. Оно вместе с приданным ему корпусом жандармов на многие годы стало основным карательным органом царизма в борьбе со свободомыслием. Генерал-прокурор уже не имел той роли по политическим делам, которая была у него во второй половине XVIII века.

2 ноября 1826 г. князь П.В. Лопухин обратился к Николаю I с просьбой об отставке. «В службу вступил я в царствование блаженные памяти государыни Елизаветы Петровны 1760 г., марта 5-го дня, и прослужил оную как в военном, так и в гражданском звании со всем усердием верно-подданного, — писал он. Усилившаяся глухота, слабость зрения, преклонность лет моих и расстроенное здоровье де-

П.В. Лопухин

дает меня ныне совершенно неспособным к службе и лишают возможности продолжать оную с желаемым усердием. Почему, припадая к священным стопам вашего императорского величества, осмеливаюсь всеподданнейше просить о всемилостивейшем увольнении меня от всех дел, дабы я мог остаток дней моих провести в тиши и спокойствии, моля Всевышнего о ниспослании вам, всемилостивейший государь, и всей императорской фамилии, долголетнего здоровья и благоденствия».

Однако император Николай I не принял отставки. Петр Васильевич Лопухин скончался 6 апреля 1827 г., на 75 году жизни.